

## Пролог

Зима на побережье Сомерсета, может, и вызывает у кого-то умиление своеобразной суровой прелестью, но Обри Фаркварсон к таковым не относится.

Крестьяне местных деревень в далеком 873 году, доведенные до разорения, голодные и изможденные, сложили пирамиду из камней на холме над Бристольским заливом, чтобы было откуда наблюдать за врагом, надвигавшимся с севера. Шли годы, угроза не исчезала, и постепенно пирамида превратилась в смотровую башню, которая затем разрослась до замка Кардоу — так называлась скала, на которой он стоял.

Ходили легенды, что камни замка скреплены следами и кровью множества погибших. Во Вторую датскую войну замок подвергся длительной осаде, и тех, кто удерживал его, викинг Гантрум с приспешниками жестоко истязал. Особенно прославился Мангус Уолрейфен по прозвищу Ворон Смерти, которое он получил за украшавшую его корабль вырезанную из дерева огромную черную птицу с широко распростертыми крыльями — стервятника, готового, казалось, броситься вниз, на ничего не подозревающую жертву.

Захватив замок, Гантрум позволил своим воинам грабить, насиловать и убивать его обитателей. Мангусу приглянулась прелестная наследница Кардоу, белокурая голубоглазая саксонская девушка по имени Эрменгильда, и он взял ее в жены. Замок и деревня были переименованы, и Мангус с комфортом там расположился.

В течение двух лет викинги грабили Уэссекс, Мангус насиловал свою жену, а Эрменгильда покорно терпела. В конце концов король Уэссекса, которого через годы назовут Альфредом Великим, заставил викингов-язычников покориться не только Англии, но и христианству. Потерпев позорное поражение, Гантрум покинул Кардоу, прихватив приверженцев, в том числе и Мангуса. Тот оставил жену на третьем месяце беременности, но поклялся вернуться.

За время его отсутствия замок Кардоу превратился в прекрасно укрепленную твердыню, однако для того, что задумала Эрменгильда, высокие зубчатые стены были не так уж необходимы. Увидев, что корабль мужа входит в залив, она, спрятав острый кухонный нож в складках платья, сбежала вниз ко рву, на подъемном мосту, изобразив радость, обняла Мангуса и вонзила ему нож между лопаток. Так закончился — во всяком случае, по легенде — первый из множества неудачных браков в замке Кардоу.

Эту историю среди других Обри Фаркварсон услышала, пока ехала из Бирмингема. Ее попутчик — военврач, сидевший напротив в почтовом дилижансе, — как истинный бристолец, с удовольствием всю дорогу плел небылицы, развлекая пас-

сажиров. Когда прибыли в Майнхед, Обри поблагодарила его и отправилась на поиски гостиницы. Оказалось, что здесь она одна-единственная и настолько убогая, что Обри стало не по себе.

Хозяин гостиницы обрадовал ее сообщением, что та опоздала к экипажу, который был прислан из Кардоу, и часа два назад слуги майора Лоримера отказались дольше ждать. У хозяина гостиницы имелся, конечно, наемный экипаж, но удовольствие было недешевым. Обри вздохнула, но выбора у нее не было, и, достав из кошелька монеты, отправилась навстречу своей судьбе.

Когда экипаж, свернув с мощеной дороги, пересек осыпавшийся ров и медленно пополз к вершине скалы, Обри, придвинувшись ближе к окну, протерла кулачком запотевшее стекло и взглянула вверх. Замок, видневшийся на вершине, производил жуткое впечатление: ни дать ни взять иллюстрация к одному из романов миссис Радклиф, разве что не хватало стаи ворон, взмывающих к черному облаку на свинцовом небе.

И опять ей вспомнилась мрачная легенда об Уолрейфене, и Обри, вздрогнув, отвернулась от окна. Кучер попытался тем временем вписаться в следующий поворот, но плохо пружинивший экипаж, внутри которого стоял кислый запах отсыревшей кожи и гниющего дерева, покачнулся, а его колеса провалились в грязь по самые оси. Обри не горела желанием провести в замке, словно в заточении, следующие десять лет жизни и, безусловно, не хотела она и везти ребенка в такое мрачное место. С противоположного сиденья на Обри широко раскры-

тыми глазами смотрел Айан, очень бледный и явно переутомленный. О чем только она думала, пускаясь с пятилетним ребенком бог знает куда? Переутомление, несомненно, только ухудшит его состояние. Конечно, можно было бы оставить его дома, но не было никого, кому она могла бы доверить своего ребенка

— Мама, а этот человек точно даст тебе работу? — спросил он тихо. — Я не думал, что заболēju в Мальборо. Может, сказать этому майору, что виноват я?

Наклонившись вперед, Обри пригладила блестящие черные волосы мальчика, такие же, как у ее отца, да и имя тоже — она не решилась его изменить. Ребенка с легкостью убедили в необходимости взять новую фамилию и забыть, что когда-то у него была другая, не очень сложно было исправить и шероховатости его произношения, убрать провинциальный акцент и выдать просто за одного из уроженцев Джорджии, оставшихся без отца. Но чтобы изменить имя...

Нет, Обри не смогла пойти на это. Кроме того, сегодня его имя, возможно, станет их помощником, хотя она очень надеялась, что до этого не дойдет. Во всяком случае, она сделала все возможное, чтобы у мальчика над головой была крыша, а ищейки потеряли их след. Замок Кардоу, заброшенный и неприступный, подходил для этой цели как нельзя лучше.

Обри обняла сынишку и прошептала:

— Ты ни в чем не виноват, малыш. Все будет хорошо. Я уверена, что майор Лоример даст мне работу, и у тебя будет и дом, и еда.

Айан успокоился и даже закрыл глаза.

Вскоре экипаж загрохотал по булыжной подъездной дорожке. Высоко вверху, в середине арки над въездом, сквозь узкое окно пробивался слабый свет. Их заметили, и массивная металлическая старинная решетка, которая закрывала въезд, поднялась со ржавым скрипом и треском. Обри обняла сынишку и посмотрела вверх, по коже у нее побежали мурашки: что, если эта громадина сорвется прямо им на крышу?

Но нет, обошлось. Кучер-горбун высадил их возле привратницей, выгрузил их дорожные корзины и забрался на козлы. Обри едва удержалась, чтобы не броситься к нему и попросить не уезжать. Дождь опять полил как из ведра, и кучер торопился поскорее вернуться обратно по опасной дороге, пока ее совсем не развезло. Крепко взяв малыша за руку, Обри подошла к дому и постучала в дверь молотком.

— Мне ничего не сказали о ребенке, — удивленно заметила служанка, впустив их в прихожую. — Дело в том, что Певзнер, дворецкий, вместе с лакеями отправился в «Королевскую гавань» промочить горло, а я прямо не знаю, что делать.

«В такое время? Странно», — подумала Обри, но все же улыбнулась и, мысленно осенив себя крестным знаменiem, солгала:

— Я, наверное, забыла упомянуть об Айане в своем письме к майору Лоримеру. Но мальчик не доставит никому неприятностей. Могу я спросить, как ваше имя?

— Бетси, мадам.

— Я буду очень вам благодарна, Бетси, если позволите погреться мальчику у очага на кухне, пока я поговорю с майором. Он просто тихонько посидит где-нибудь в уголке.

— Полагаю, это возможно, — не очень уверенно сказала Бетси, разглядывая мальчика. — Проблема в другом: вас ожидали до вечернего чая, а позже майор, как правило, никого не принимает.

— К сожалению, плохие дороги — вот почтовый дилижанс и задержался, — пробормотала Обри, и на сей раз это была истинная правда.

Бетси отдала их мокрые плащи подошедшей служанке и чуть подтолкнула к ней мальчика. Девушка с простодушным лицом улыбнулась и взяла ребенка за руку. Судя по толстому слою пыли, здесь, в Кардоу, мало кого принимали. Обри быстро поцеловала Айана в щеку, и служанка повела его к лестнице в противоположном конце холла.

В соответствии с ее новым общественным положением Обри не получила приглашения в гостиную, и ей предложили подождать на жесткой черной скамье в холле, пока Бетси не доложит хозяину о прибытии гостей. Обри, оставшись одна, постаралась успокоиться и оглядеться.

В просторном сводчатом холле пахло сыростью, гнилью и мышами. Можно представить, сколько грязи скопилось за огромными гобеленами, если на карнизе, поддерживавшем галерею, красовалась паутина величиной с парус. Два огромных камина, похоже, не чистили со времен викингов, а мраморные полки над ними толстым слоем покрывала копоть. Над южным камином висел щит с гербом: чер-

ный ворон с распростертыми крыльями на кроваво-красном фоне, который держал двух львов на задних лапах. Что ж, Уолрейфены передали суть своего рода четко и ясно.

И все же кое-какие изменения Кардоу за несколько веков претерпел. Пол из каменных плит покрывали турецкие ковры, пусть и протертые теперь до дыр, а мебель выглядела так, будто была изготовлена еще во времена правления Вильгельма Оранского и Марии Стюарт. Половина стен была завешана гобеленами, а другую половину украшали панели времен короля Якова I, то есть начала XVII века, с замысловатой резьбой по дубу, почерневшей и почти неразличимой.

Отвлекли Обри раздраженные голоса: словно где-то внизу кто-то спорил, а через мгновение по дому разнесся низкий громоподобный мужской голос:

— Скажите ей, что это проклятое место уже занято! Вот так! А теперь пойдите вон и заберите свой поднос. Это месиво даже свиньям не годится!

Послышалось бормотание, стук посуды, а затем тот же голос:

— Что непонятно? Занято, я сказал! Убирайтесь, черт побери! И не смейте возражать!

Опять послышался стук посуды, кто-то что-то тихо проговорил, а в ответ раздалось:

— И ребенка тоже уберите! Уже половина пятого, и, черт побери, если нет нормальной еды, дайте хоть спокойно выпить виски.

Кто-то все же продолжал спорить, но на сей раз хозяин не выдержал и с диким воплем что-то

швырнул в собеседника: раздался звук разбившегося стекла.

Не раздумывая, Обри вскочила со скамьи и бросилась по лестнице вверх. Широкая, но неосвещенная галерея упиралась в коридор, в глубоких полукруглых каменных нишах которого располагались двери, и под одной из них виднелась полоска света. Туда без колебаний и ворвалась Обри.

Возле самой двери Бетси, присев, собирала осколки фарфора и складывала в фартук. Комнату освещал лишь слабый огонь камина, и, всмотревшись в темноту, Обри поняла, что это библиотека, а потом повернулась к девушке:

— С вами все в порядке? Вам помочь?

— А вы кто такая, черт побери, чтобы вот так врываться сюда? — окликнули ее из темноты.

— Майор Лоример?

Когда глаза привыкли к полумраку, она увидела в дальнем и самом темном углу комнаты кресло, а в нем — фигуру мужчины. Но вот он медленно поднялся, взял то ли палку, то ли трость и, сильно хромя, двинулся к ней.

Служанка съежилась, но продолжила выбирать из ковра застрявшие осколки фарфора. Остановившись в нескольких шагах от Обри, мужчина с ног до головы окинул ее единственным глазом: другой был просто сморщенным комком плоти, провалившимся в глазницу, и походил на большой грязный пупок. Левая рука майора была неподвижна, и половину ноги заменяла деревянная культя. Он был старше, чем ожидала Обри, к тому же основательно пьян.

— Проклятье! Кто вы? — уставился он на незваную гостью.

— Добрый вечер, майор Лоример, — ровным голосом поздоровалась Обри, смело глядя в его единственный глаз. — Я миссис Монтфорд, новая экономка Кардоу.

— Что? — буркнул он, наклонившись к ней. — Дайте-ка мне вашу руку.

Обри неуверенно протянула руку, и майор, взяв ладонь большим и указательным пальцами, словно это был кусок дерева, фыркнул:

— Ха! Если вы чертова экономка, то я архиепископ Кентерберийский.

— Да нет, не чертова, а самая обычная экономка, — огрызнулась Обри, не желая больше слушать, как он чертыхается. — Неужели, сэр, в вашем лексиконе нет других выражений?

Мгновение майор, опешив, просто стоял истуканом и смотрел на нее единственным глазом, потом закричал на Бетси:

— Вон! Пошла вон, тупая корова!

Каждое слово он сопровождал ударом своей палки.

— Сейчас же прекратите! — воскликнула Обри, вырвав у него палку, и Бетси торопливо покинула комнату, позвякивая осколками разбитой посуды в фартуке.

— А теперь послушайте, мисс... миссис... как, черт побери, ваше имя? — Майор выхватил палку из ее рук и тяжело оперся на нее.

— Монтфорд, — отчетливо повторила Обри.